

Луиза Дэвис
Очередная война

Заголовок оригинального издания:

Luise Davies. Just Another War – How I Survived the Siege of Leningrad.

KIENER. München 2018 (ISBN 978-3-943324-77-8).

Библиографическая информация

Публикация занесена в Германскую Национальную библиотеку. Библиографические данные: www.dnb.de

Все права защищены

© 2020 KIENER, Мюнхен

Произведение, включая его части, защищены законом об авторском праве. Любое нарушение закона без согласования с правообладателем недопустимо и карается штрафными санкциями. В особенности это касается копирования, переводов, микрофильмирования, сохранения и распространения через электронные системы.

Перевод книги с английского на русский язык осуществлен Социальным центром переводов Санкт-Петербургского государственного университета под руководством Ирины Николаевны Баскаковой. Переводчики - группа 18М-54 (магистратура "Литературный перевод" филологического факультета): Мария Бойченко, Екатерина Верченко, Ольга Волкова, Юйсинь Гао, Анна Дегтярь, Андрей Закатаев, Дмитрий Правиллов, Маргарита Приходкова, Зоя Хантаева, Анастасия Шибанова, Ляйсан Шигапова, Анастасия Щербатенко, Марина Яшина. Редакторы: Марина Яшина, Андрей Закатаев, Наталия Силинская.

Обложка: SpieszDesign, Ной-Ульм, Германия

Фото на обложке: Архив РИАИ 324 В блокадном Ленинграде; Луиза Девис

Печать и переплет: Акцент, Санкт-Петербург 2020

ISBN 978-3-948442-06-4

www.kiener-press.com

Луиза Дэвис

Очередная война

Как я пережила
блокаду Ленинграда

KIENER

Книга издана в рамках проекта “Гуманитарный жест”, заявленного 27 января 2019 года Министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым и Министром иностранных дел Федеративной Республики Германия Х. Маасом в отношении ныне здравствующих блокадников Ленинграда в связи с 75-летней годовщиной полного снятия блокады Ленинграда. Вышедшая на английском языке в мае 2018 года, книга в рамках этого проекта была переведена на русский и немецкий языки.

Исполнителем проекта является Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч» в сотрудничестве с Администрацией Санкт-Петербурга, Генеральным Консульством Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге, Ар-Нуво-Хаус Нордхаузен Е.Ф., Сетью социально ориентированных молодежных организаций Нордхаузен е.Ф. и Немецким Обществом по Международному Сотрудничеству (ГИЦ) ГмбХ.

Перевод книги с английского на русский язык осуществлен Социальным центром переводов Санкт-Петербургского государственного университета под руководством Ирины Николаевны Баскаковой. Переводчики – группа 18М-54 (магистратура „Литературный перевод“ филологического факультета): Бойченко Мария, Верченко Екатерина, Волкова Ольга, Гао Юйсинь, Дегтярь Анна, Закаев Андрей, Правилон Дмитрий, Приходкова Маргарита, Хантаева Зоя, Шибанова Анастасия, Шигапова Ляйсан, Щербатенко Анастасия, Яшина Марина. Редакторы:

Марина Яшина, Андрей Закатаев, Наталия Силинская.
Перевод книги с английского на немецкий выполнили
Катрин Поллингер и Моника Штульберг; редактирова-
ние текста – Кристль Кинер и Петра Циммерманн.

От издателя

Петр I построил Санкт-Петербург на костях рабочих, погибших при возведении города на болотистых берегах Невы. Санкт-Петербург стал культурной столицей России.

Почти 900 дней длилась блокада Ленинграда войсками вермахта во время Второй мировой войны. По продолжительности и количеству жертв она считается одной из самых страшных в истории.

Своей богатой культурной традицией Санкт-Петербург привлекает множество туристов. Многие из них, пожалуй, не осознают тех трагических последствий блокады для горожан, которые описаны в этой книге.

Предисловие

Тот роковой день я помню очень ясно. Мне только исполнилось тринадцать, и я возвращалась из школы домой. В моем родном городе Ленинграде, известном теперь под своим историческим названием Санкт-Петербург, стоял погожий, ничем не примечательный день.

Вдруг я услышала рев пролетающих самолетов. Они появились внезапно, словно из ниоткуда, и начали бомбить мост, по которому я шла. Прохожие кинулись прочь в поисках спасения. Повсюду лежали раненые и убитые.

Я бросилась бежать с моста, не чуя под собой ног.

Добравшись до дома – он стоял прямо у моста – я не остановилась. Ноги сами меня несли.

Я взлетела по лестнице на пятый этаж, наткнулась на дверь последней квартиры и упала на пол, хватая воздухом и пытаясь успокоиться. Так я долго лежала, дрожа, пока не оправилась немного от пережитого ужаса.

Через некоторое время, все еще трясаясь от страха, я спустилась на третий этаж, где мы жили, чтобы проверить, дома ли родители. Но их не было. Мама и папа искали меня на улице, сходя с ума от беспокойства. Как же они обрадовались, когда нашли меня дома живой и здоровой! Родители рассказали мне страшную новость: войска фашистской Германии наступают на Ленинград. Вторая мировая война дошла до России, и это был первый из многочисленных авиаударов, которые городу пришлось пережить.

Но я забегаю вперед.

Сперва приведу несколько фактов из истории российского города Санкт-Петербурга, в котором я провела детство. В те времена он назывался Ленинградом.

Блокада Ленинграда продолжалась почти два с половиной года. По разным оценкам, за это время от голода и холода погибли от пятисот тысяч до миллиона жителей города. Некоторые считают, что жертв было еще больше*.

Блокада началась 8 сентября 1941 года. В тот день немецкие войска окружили город, отрезав все основные пути сообщения. Когда немецкая армия направилась в сторону Москвы, Гитлер принял решение обойти Ленинград, взяв город измором. Помню, по радио передавали его выступление: он кричал, как безумец. Я понимала каждое слово, потому что моя мама была немкой, и все детство я разговаривала с ней на немецком.

Все жители Ленинграда обсуждали речь Гитлера и его угрозы в адрес России. Он собирался заморить нас голодом и сравнять Ленинград с землей и скоро приступил к осуществлению своих намерений. В гитлеровском Рейхе не было места большевикам, славянам и евреям, их всех следовало уничтожить.

С приближением русской зимы жители Ленинграда начали страдать от голода и холода. К концу сентября 1941 года городские запасы угля и нефтепродуктов истощились, стало нечем топить квартиры. Но холод в домах

* Книга Синтии Симмонс и Нины Перлиной "Writing the Siege of Leningrad". University of Pittsburgh Press, 2005.

был не единственной проблемой: из-за морозов – а температура снижалась до минус 35 – замерзали и лопались водопроводные трубы. Стало не хватать питьевой воды. Я помню, нам приходилось ходить к Неве и рубить во льду проруби, чтобы набрать воды.

Вдобавок ко всему, той на редкость холодной зимой 1941-1942 года столбик термометра опускался до рекордных отметок. Как-то раз чуть южнее Ленинграда температура опустилась до минус 41 градуса Цельсия. Без отопления выжить в такую погоду было невероятно трудно.

Поставки продовольствия прекратились, и вскоре продукты стали исчезать с прилавков. К ноябрю 1941 года размер пайка уже был меньше трети от суточной порции, необходимой взрослому человеку. Вскоре в городе пропали собаки, кошки, лошади, крысы и птицы – жители их ловили и ели, чтобы не умереть с голоду. Некоторые варили бульон даже из кожаных ремней.

Очереди за хлебом становились все длиннее и длиннее. Бывало, хлеб в магазине заканчивался, и людям, простоявшим в ожидании несколько часов, приходилось возвращаться домой ни с чем. Однажды я видела, как мужчина нес под мышкой буханку, а другой подскочил к нему сзади и выхватил ее. Убегая, он отламывал куски и пытался съесть как можно больше. Свидетели этой сцены догнали его и стали избивать. Разумеется, он украл хлеб от сильного голода, и, похоже, его вовсе не пугало, что его могут избить, пусть даже до смерти. Он бы все равно умер от истощения.

Мне навсегда запомнился тот случай, ведь тогда я уже

знала, что такое голод. Это ужасное чувство. Я исхудала, ослабла и ходила с трудом.

В последующие месяцы люди умирали тысячами. По некоторым оценкам, около 11 тысяч жителей погибло только в ноябре 1941 года, а к декабрю это число уже доходило до 53 тысяч. Земля промерзла, и хоронить мертвых было невозможно. На улицах, в парках, на площадях – повсюду лежали трупы.

Что еще хуже, город находился под постоянным артобстрелом и авиаударами «Люфтваффе» (немецких ВВС).

Единственным преимуществом суровой русской зимы было то, что замерзло Ладожское озеро, располагающееся к востоку от города. По этому ледяному пути, известному как «Дорога жизни», колонны грузовиков могли доставлять небольшие, но очень ценные запасы продовольствия в осажденный город. Кроме того, несколько тысяч пожилых и больных жителей, эвакуированных по этой дороге, получили шанс на спасение.

Грустная ирония заключалась в том, что смерть и эвакуация понемногу облегчали существование оставшихся в городе ленинградцев. В результате, со временем размер пайков увеличился, а ситуация в какой-то мере стабилизировалась. К январю 1944 года советская армия оттеснила немецкие войска на запад от Ленинграда, и после всех ужасов и страданий, которые испытали бедные жители, город наконец-то смог вздохнуть свободно – блокада кончилась.

В 1941 году Дмитрий Шостакович написал Седьмую, «Ленинградскую», симфонию*, посвятив ее жителям Ле-

нинграда, своего родного города, откуда композитора эвакуировали еще до начала блокады. В Ленинграде симфония прозвучала в 1942 году: ее исполнили оставшиеся в городе члены оркестра Ленинградского радиокомитета и музыканты военных оркестров под руководством Карла Элиасберга. Во время исполнения симфония звучала не только по радио и громкоговорителям в самом Ленинграде, её транслировали и в места расположения немецких войск к западу от города, чтобы показать, что боевой дух жителей не сломлен**.

Блокада Ленинграда – одна из жесточайших осад в истории.

В этой книге описаны воспоминания свидетеля тех ужасных событий в истории города.

Луиза Дэвис, весна 2018 года

* Книга Брайана Мойнахана “Leningrad: Siege and Symphony”. 2014

** «Ленинградская симфония» на YouTube:
<https://www.youtube.com/watch?v=fXmxFTLT0j0>
или: <http://bit.ly/2ApR5hn>

Оглавление

Предисловие	8
Детство. Пока не началась война	15
Мои родители и их знакомство	17
Жизнь родителей после свадьбы	21
Дядя Стива и тетя Дженни	25
Папина новая работа и наша новая квартира	29
Приезд дяди Пети	33
Несколько воспоминаний из детства	37
Моя сестра Александрин	41
Как я спаслась от бомбежки и нашла маму	43
Бегство по «Дороге жизни»	49
Товарным поездом на Кавказ	51
Как я оказалась в Германии	57
Моя жизнь в Германии во время войны	59
Окончание войны и встреча с будущим мужем	65
Печальная история моей сестры	71
Переезд в послевоенную Англию	75
Поездки в Германию после войны	83
Послесловие	86
Еще немного о моей семье	87
Странствия Луизы после блокады (карта)	92
Библиография	94

Детство. Пока не началась война

Вспоминая прожитые годы

Описывая прожитую мной жизнь, мне хотелось бы поделиться с вами историей моей семьи. Рассказать как о светлых, так и о мрачных событиях.

27 мая 1928 года в советском городе Ленинграде на свет появилась я, тогда еще Луиза Посвистак. Изначально город назывался Санкт-Петербург. Он был спланирован и построен царем Петром I. Согласно историческим хроникам, Петр I основал его 27 мая 1703 года, ровно за 225 лет до дня моего рождения. Город был назван в честь небесного покровителя царя – Святого Петра.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, Санкт-Петербург переименовали в Петроград, чтобы название не звучало по-немецки, поскольку тогда Россия находилась в состоянии войны с Германией. Позже, в 1924 году, город называли Ленинградом, в честь известного лидера коммунистического движения Владимира Ильича Ленина.

Санкт-Петербург, как его снова теперь называют, – живописный, всемирно известный город, расположенный на побережье Финского залива, в устье реки Невы, которая впадает в Балтийское море.

Моя мать, Хелена Бегенхольд, была немкой, а отец, Антон Посвистак, – украинцем. Он родился в Киеве.

Прежде чем продолжить историю, я хотела бы немного рассказать о своих предках.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии, Хуго

Бегенхольд и Луиза Штеффен, встретились в Санкт-Петербурге в молодости. Хуго был родом из Оберхофа, города в Германии, расположенного в земле Тюрингия, а бабушка Луиза была латвийкой, родом из Риги. Ее отец, немец, служил капитаном дальнего плавания, а мать была француженкой.

В молодости бабушка работала школьной учительницей. Как-то раз ей предложили место преподавателя немецкого языка в состоятельной русской семье в Санкт-Петербурге.

В то время дедушка Хуго приехал из Германии в Санкт-Петербург навестить свою тетю, которая была замужем за обеспеченным русским. Поездка эта окончилась тем, что бабушка и дедушка встретились, полюбили друг друга и поженились. Некоторое время они прожили в Санкт-Петербурге, потом переехали в Ригу. Позже обосновались в Гамбурге, главном портовом городе на севере Германии, где и прожили до конца своих дней.

У бабушки с дедушкой было шестеро детей, из которых самой старшей была моя мама Хелена. Других детей звали Александер, Вальтер, Эльза, Евгения (Дженни) и, наконец, третий сын Герберт. Хелена и Александер родились в Санкт-Петербурге. Остальные четверо детей – в Латвии, в Риге, где бабушка и дедушка прожили несколько лет, прежде чем переехать в Гамбург*.

* Подробную информацию о моих родственниках (даты и места рождения, профессии) можно найти в конце книги.

Мои родители и их знакомство

А теперь я расскажу о своих родителях

Первым мужем моей матери был немец Вильгельм Шумахер. Он служил солдатом в немецкой армии. Их брак организовала моя бабушка. Вильгельм был старше матери, но он очень близко дружил с моей бабушкой. Бабушкина семья хорошо его приняла. Мать родила от Вильгельма мою сводную сестру Александрину. Мы звали ее по-русски – Шура. К сожалению, их брак не сложился, и через некоторое время мать развелась со своим первым мужем.

Теперь расскажу немного о своем отце, Антоне Посвистаке, о его молодости, о времени до прихода к власти коммунистов. Он родился в Киеве, и у него был старший брат Петр. Мне особенно дорога фотография, на которой запечатлены отец, дядя Петя и их двоюродные братья. Снимок сделан в Одессе. Отец и дядя Петя – красивые украинцы, с большими карими глазами и открытыми, улыбчивыми лицами.

Во времена молодости отца многие люди со всего мира эмигрировали в Америку — это была земля обетованная! Мой отец и его брат Петр решили поехать в Чикаго в поисках лучшей жизни. В Киеве они владели землей и никакой профессии не имели. Чтобы найти работу, дядя Петя освоил ремесло мастера по ремонту обуви. Он очень хорошо устроился в Америке и решил остаться там. Позже он открыл небольшое предприятие по шитью и продаже обуви, и со временем, как я слышала, этот биз-

нес стал очень успешным – настолько, что дядя основал небольшую фабрику. В результате он стал довольно состоятельным человеком.

А начал мой дядя Петя с того, что поселился в Пенсильвании примерно в 1905 году и пошел работать на угольных шахтах. Там он познакомился с украинкой Кристиной Филоновой, на которой и женился в 1915 году. Они переехали в город Гранд-Рapidс, затем в Маскегон и купили небольшой обувной магазин в городе Маскегон-Хайтс, недалеко от Чикаго.

У дяди Пети и его жены родилось три сына, и все они стали музыкантами. Помню, у нас была фотография одного из сыновей в шапочке и мантии выпускника после получения музыкального образования. Дядя Петя также прислал совместное детское фото своих сыновей. Я бы могла сойти за их родную сестру, настолько мы были похожи.

Моему отцу, однако, в Чикаго не понравилось. Ему пришелся не по душе американский образ жизни: городской шум, множество небоскребов. Он очень скучал по родной Украине с ее фруктовыми деревьями и прекрасными пейзажами, ему хотелось обрабатывать землю, выращивать овощи, ухаживать за скотом. Отец не мог забыть эту часть своей жизни и решил вернуться на Украину.

На обратном пути он плыл через северный немецкий порт Гамбург, где решил немного задержаться. Там он вступил в русский клуб и подружился со многими украинцами. Семья моей матери тоже состояла в этом клубе. Все украинцы понимают русский язык, по-русски гово-

рили и мамины родные – они жили в Санкт-Петербурге до того, как переехали в родной город бабушки, Ригу.

В Гамбурге отец познакомился с матерью, они полюбили друг друга с первого взгляда и поженились. Оба говорили по-русски. Моя мать была настоящей красавицей, с очаровательной улыбкой и прекрасными вьющимися волосами.

Отец хотел вернуться на Украину, и мать поехала с ним, вспомнив, как ей жилось в России.

Родители поддерживали связь с проживавшим в Америке дядей Петей и постоянно с ним переписывались.

Дядя Петя – единственный родственник с папиной стороны, которого я знала до начала Второй мировой войны. Я слышала, что у нас есть и другая родня на Украине, но тогда я была еще слишком мала даже для того, чтобы просто запомнить их имена. Наверное, и сейчас на Украине живут мои дальние родственники.

Жизнь родителей после свадьбы

Итак, мои родители решили вернуться в Украину, к семье отца.

Однако в то время в стране происходили серьезные политические изменения. Украинцы добивались перемен. В Гражданской войне на Украине, которая длилась с 1917 по 1921 годы, участвовали и украинские националисты, анархисты и большевики, и европейские страны: немецкие и австро-венгерские силы, белорусская Добровольческая армия и войска Второй Польской республики. По сути, это была начавшаяся после Октябрьской революции 1917 года война за контроль над территорией Украины, богатой плодородными почвами, отлично подходящими для сельского хозяйства*.

Через некоторое время родители перестали чувствовать себя в безопасности и решили покинуть Украину, перебравшись через Финляндию в Латвию, где жила бабушка. Они надеялись обосноваться в Риге, а если не получится – вернуться в Германию.

Тем не менее, когда они прибыли в Ленинград, путь в Финляндию был для них уже закрыт. Так что им пришлось на некоторое время остаться в Ленинграде, хотя они и понимали, насколько тяжела жизнь в России. К тому времени коммунисты пришли к власти и ограничили выезд из России и въезд в страну.

* Википедия – Украинская революция (1917–1921)

Для начала родители сняли просторную комнату с видом на Неву в одном из самых красивых больших домов на набережной [наша первая квартира]. Дом был похож на небольшой дворец царских времен, раньше он принадлежал состоятельной дворянской семье. Ходили слухи, что с приходом к власти коммунистов эту семью сослали в Сибирь. Такое жилье стоило дорого, поэтому у родителей были проблемы с деньгами. Поначалу им не удавалось найти работу, но потом отцу посчастливилось устроиться на кондитерскую фабрику, которая во время войны снабжала русскую армию, оборонявшую Ленинград.

Я родилась 27 мая 1928 года, и мои самые ранние воспоминания связаны с этим домом на Неве. Помню, когда я была еще совсем маленькой, мама ставила на подоконник маленькую жестяную ванночку, чтобы мы вдвоем любовались рекой, пока она меня купает.

Нам нравилось там жить, место было прекрасное. Очень многие люди снимали комнаты в этом доме, и в каждой комнате размещалась целая семья.

Помню, я любила играть с соседскими ребятами в подвалах нашего особняка.

Так как времена в России были очень трудные, родители жили в одной большой комнате, а бабушка и дедушка, которые жили в Германии, присылали нам деньги.

Достать продукты в Ленинграде было довольно непросто, а у матери не было молока, чтобы кормить меня грудью. Я помню, что временами мне очень хотелось есть, голод вообще преследовал нас, пока мы жили в России. Но иногда на рынок завозили молоко, и матери уда-

валось его купить. Она боялась, что я не выживу, поэтому меня, совсем малышку, кормили соком из овощей: шпината, моркови и свеклы. Мать говорила, что свекла мне полезна – она улучшает состав крови. К счастью, от отца мне достались гены сильных украинских предков.

Мама любила гулять и иногда брала меня с собой. Помню магазины с дорогими, как мне тогда казалось, великолепными товарами, – мало кто мог их себе позволить.

Десять членов нашей семьи (Ленинград, ок. 1937 года).

Задний ряд: Вера и Степан Дракины, Александрина Кучерук, урожденная Шумахер (Лекси, дочь Хелены Бегенхольд, мать Ойгена Вальдемара и Хельмута Дерфера), Иван (Ваня) Кучерук (первый муж Лекси).

Средний ряд: Евгения (Дженни) Дракина (мать Веры), Хелена Посвистак, в девичестве Бегенхольд, Антон Посвистак, Луиза Посвистак (после замужества Дэвис).

Передний ряд: малыш Ойген Кучерук (позднее Дерфер); малыш Вальдемар Кучерук (позднее Дерфер)

Дядя Стива и тетя Дженни

В жизни моей семьи кое-что изменилось, когда младшая сестра матери, Евгения, или, как мы ее называли, Дженни, познакомилась в Гамбурге с русским моряком. Они полюбили друг друга, поженились, тоже решили переехать в Ленинград и поселились недалеко от моих родителей. Моя мать была очень счастлива.

Мужа тети Дженни звали Степан, коротко – Стива. Дядя Стива был моряком и поэтому редко приезжал домой. На корабле он часто ходил в Финляндию.

Мои тетя Дженни, дядя Стива, мама Хелена и папа Антон жили рядом. Те дни были наполнены счастьем.

Бабушка научила тетю Дженни хорошо готовить, и она готовила для всех нас. Я проводила с ней много времени.

Мы снимали квартиру рядом с квартирой тети, так как папа работал на фабрике неподалеку. Мама тоже нашла какую-то работу, теперь я уже не помню, какую. Тогда я чувствовала себя счастливой.

У тети Дженни была дочь Вера, моя двоюродная сестра. Она была старше меня на пять лет. Позже Вера стала медсестрой.

У меня была еще одна подружка-немка по имени Алиса. Ее родители были родом из Германии, но по какой-то причине жили в России. Мы крепко дружили и делились игрушками. Помню, моим любимцем был медвежонок с одним ушком. Я не расставалась с ним ни на секунду. Куда бы я ни пошла, он всегда был со мной.

Теперь я расскажу о произошедших с нами бедах.

Однажды в четыре утра раздался стук в дверь тетиной квартиры. Сотрудники НКВД (тайной полиции) арестовали дядю Стиву и забрали его в тюрьму. Это случилось примерно в 1936 году. Оказалось, кто-то услышал, как он критикует коммунистический режим, и донес об этом властям. Муж тети просидел в тюрьме год, после чего его обвинили в шпионаже и расстреляли! Для нас всех это было большим ударом.

Вдобавок мою тетю и ее дочь Веру приговорили к тридцати годам работ в исправительно-трудовом лагере в Смоленске, в Сибири*. «К счастью», ей пришлось отработать там всего около четырех лет, а потом ее освободили и разрешили вернуться вместе с дочерью в Ленинград. В то время мои родители жутко боялись, что их ждет подобная участь. После этих событий мама почти не спала, в любую минуту ожидая, что в дверь постучат. Она поседела буквально за одну ночь.

Сейчас уже не могу точно сказать, когда это произошло, но помню, что тот период стал крайне тяжелым для моей тети, ведь перед ссылкой в Сибирь она лишилась своего дома, и теперь ей негде было жить. Поэтому тетя ночевала под одним из мостов через реку Неву.

К тому моменту, то есть спустя несколько лет после расстрела моего дяди, она познакомилась в Сибири с другим заключенным, вышла за него замуж и родила сыновей. Так что теперь она приехала в Ленинград с двумя

* Автор, по всей видимости, путает местоположение города Смоленска, который находится в западной части России (прим. перев.).

сыновьями и старшей дочерью Верой. Полагаю, ее второго мужа так и не освободили из заключения.

Какое-то время они жили у нас. В квартире едва хватало места для всех.

Но в нашей жизни случилось и хорошее – мы получили радостную весть о том, что дядя Петя приезжает из Чикаго, чтобы нас навестить. Он был очень преуспевающим человеком и привез с собой бриллианты, чтобы обменять их на рубли.

Через несколько лет после окончания войны, в 1960-е, после прихода к власти Никиты Хрущева нам сообщили, что дядя Стива был обвинен в шпионаже и расстрелян «по ошибке»! Конечно, хорошо, что они, по крайней мере, признали свою вину, однако судьбу дяди и тети к тому моменту уже было не изменить.

Мой дядя отнюдь не единственный, кто столкнулся с жестокостью сталинского режима. По некоторым данным, между 1936 и 1938 годами было совершено около миллиона арестов и примерно семьсот тысяч казней. Это время известно как Большой террор*. Говорят, что Сталину не нравился космополитичный и независимый дух Ленинграда.

* Википедия – Большой террор

Папина новая работа и наша новая квартира

Мой папа Антон устроился на новую работу на кондитерской фабрике, где делали шоколад для пайков русских войск. Я помню, как частенько бежала через мост на ту сторону Невы, чтобы встретить его с работы, ведь я знала, что он принесет мне с фабрики шоколад, спрятав плитки в своих больших зимних сапогах. Как и все дети, шоколад я обожала! Тогда мне было лет пять.

Примерно в 1933 году, в ранние годы коммунизма, мы снимали комнату в доме с видом на Неву. Для прошлых владельцев она служила спальней. Это была большая, красивая комната с высокими окнами и прекрасной отделкой из красного дерева. Потолок украшала великолепная роспись, выполненная известными художниками.

Высокими шкапами комната была разделена на большую гостиную и спальню, где спали родители, я и старшая сестра Александрина. Готовили мы на большой коммунальной кухне в другой части дома, недалеко от помещения, где в царские времена жили повара и прислуга.

Вокруг дома был очень большой двор. Гости могли заходить с 4-й линии через большие и широкие ворота – в прошлом через них свободно проезжал экипаж. Гости могли заходить и через высокую входную дверь со стороны заднего фасада дома. Также во дворе находилось несколько конюшен - предыдущие владельцы держали собственных лошадей.

Соседские дети были такими же, как я: их семьи так-

же снимали комнаты в этом доме. Нам было очень весело вместе: мы бегали по дому, играли в коридорах и подвалах.

Помню, как-то раз мы с друзьями играли в подвале, бегали, резвились и случайно нашли большой мешок. Мы открыли его – хотели узнать, что же там внутри. Оказалось, что в мешке дорогие ювелирные украшения! Мы очень удивились и скорее побежали рассказать о находке родителям. Судя по всему, украшения принадлежали бывшим владельцам дома. Неудивительно, что они хотели спрятать такие ценности от посторонних глаз. Наши родители решили сообщить о находке, и сотрудники НКВД ее забрали.

Какое-то время мы прожили в этом доме [в нашей второй квартире], после чего переехали в более дешевое жилье по другому адресу. Наша третья квартира, как и первая, окнами выходила на Неву, ведь мама любила смотреть на реку. Квартирка была небольшая и скромная, но из нее открывался великолепный вид на реку и на задний фасад Зимнего дворца, возведенного во времена царского правления, задолго до революции 1917 года.

Как раз тогда мы получили письмо от папиного брата, который жил в городе Маскегон-Хайтс, недалеко от Чикаго: он писал, что хочет нас навестить.

Антон Посвистак (слева в заднем ряду), Петр Посвистак (в центре)
и два кузена, имена которых неизвестны. Фотография сделана в
Одессе (Украина)

Приезд дяди Пети

Родители поддерживали связь с моим дядей, Петром Посвистаком, и постоянно с ним переписывались.

Дядя Петя родился в 1886 году на Украине, в Киеве. Юность его прошла при царе. Дядя получил бумаги на выезд в Германию, а оттуда бежал в США. В 1905 году он поселился в Пенсильвании, рядом с угольными шахтами. В 1915 женился на девушке по имени Кристина Филонова, которая так же, как и он, приехала с Украины. Они отправились в Гранд-Рапидс, потом в Маскегон, где дядя купил землю, а потом открыл обувной магазин в городе Маскегон Хайтс, недалеко от Чикаго*.

Мой отец Антон некоторое время жил со своим старшим братом в Америке.

Однажды мы узнали, что дядя Петя приезжает в Ленинград, чтобы нас навестить. Мы очень обрадовались, прочитав об этом в его письме. Тогда мне было всего лет пять, так что это, скорее всего, произошло где-то в 1933 году.

Родители говорили, что дяде не разрешалось ввозить деньги в Россию. Я помню, они рассказывали, что он привез бриллианты и смог обменять их на деньги, которые отдал родителям. Благодаря этому нам удалось выплатить кое-какие долги. Тогда я была слишком малень-

* Мой младший внук, Питер Дэвис, узнал об этом от Джеймса Посвистака, праправнука дяди Пети, которого Питер нашел через интернет. Джеймс живет в Америке, недалеко от Чикаго.

Антон Посвистак (стоит), Луиза и Петр Посвистак.

кой, чтобы понимать, с какими трудностями сталкивались мои родители.

Дядя Петя привез мне игрушки, которых в Ленинграде в то время было не сыскать.

Позже я узнала, что дядя, увидев, как тяжело жить в Ленинграде, предложил удочерить меня и забрать с собой в Чикаго. Но папа и мама не захотели со мной расставаться. Согласись они, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Три сына дяди Пети (одного из которых зовут Уолтер) были так похожи на меня, что я могла бы с легкостью сойти за их сестру. Я храню их детские снимки, вот один из них, с пони. Старший сын получил музыкаль-

Трое сыновей Петра Посвистака: Алекс, Джон и Уолтер.

ное образование; у нас была его фотография в шапочке и мантии выпускника.

К сожалению, когда началась война, связь с дядей оборвалась, и до сих пор я слышала о его семье только то немного, что разузнал мой внук Питер, в 2015 году списавшись через Фейсбук с Джеймсом Посвистаком, правнуком дяди Пети. Диана, тетя Джеймса, подтверди-

ла, что человек на фотографии, которую мы отправили Джеймсу, – действительно дядя Петя, то есть, его прадед. Удивительно, что прошло столько лет, а нашей семье в Англии удалось найти потомков моего дяди в Америке! (Мой старший внук Джон теперь также общается с Джеймсом через Фейсбук).

После войны дядя наверняка пытался нас разыскать, но мои родители погибли, а я к тому времени уже уехала в Гамбург. Его адреса я не знала – все письма дяди остались в нашей опустевшей квартире. Должно быть, он решил, что я тоже умерла, раз от меня не слышно вестей.

Но вернемся к моему рассказу: после того, как нас навестил дядя Петя, мы смогли переехать в новую квартиру на Васильевском острове, с видом на Неву и Зимний дворец.

Хелена, Луиза и Антон Посвистак (ок. 1935 года)

Несколько воспоминаний из детства

В восемь лет я перестала ходить в детский сад и поступила в школу. Помню, что мне там очень нравилось.

Дядя Петя, брат моего отца из Америки, оставил нам много семейных фотографий, в том числе фотографии трех его сыновей. Старший стал скрипачом. Сохранился замечательный снимок, где он в мантии и шапочке выпускника в день вручения диплома. Он весь сияет, большие карие украинские глаза так и горят. Своими детьми дядя очень гордился.

Мама решила, что мне тоже следует брать уроки игры на скрипке. Очевидно, она думала, что я унаследовала талант к музыке. Как бы то ни было, с рук купили выдавший виды инструмент, который в моих руках звучал особенно жалобно. Слушая эти стоны, мой учитель обычно неодобрительно кривился. На вопрос мамы о моих успехах он отвечал, окидывая меня сочувственным взглядом: «К сожалению, ни малейшего таланта».

По сравнению с ним, высоким и худощавым, я была маленькой, хрупкой девочкой, так что на юную нерадивую ученицу он всегда смотрел свысока. Его не впечатлила и купленная мамой скрипка, которая, по его мнению, «свое отслужила». Помню, что мне тоже она казалась очень старой. Даже папа говорил, что до меня на ней, должно быть, играли много лет. Учитель посоветовал занятия прекратить. Разумеется, мама была очень разочарована.

Вот так рухнули мамины надежды на то, что я стану знаменитой скрипачкой. Должна сказать, меня, как и моего учителя, это обрадовало!

А вот танцевать я обожала. Мы с мамой старались ходить на балет как можно чаще. Преисполненная решимости и новых надежд, мама взялась делать из меня балерину, раз уж музыканта не вышло.

В то время на сцене блистала русская танцовщица Галина Уланова. Выступления в Америке, Англии и Германии сделали ее мировой знаменитостью; она считается одной из величайших балерин XX века. В попытке раскрыть во мне какой-нибудь талант мама привела меня на пробы, чтобы посмотреть, не возьмут ли меня в балетную школу. Помню, как мы стояли в очереди перед входом в какой-то театр, где располагалась балетная школа. После долгого ожидания меня пригласили в зал, где преподаватели танцев проверили мои способности. Увы, маму постигло очередное разочарование! Моя правая нога оказалась кривоватой. Критерии отбора в русском балете в этом отношении отличались особой строгостью.

Однако мне предложили ходить на уроки украинских и кавказских народных танцев. Мне это пришлось по душе, ведь к народным танцам я, как и мой отец-украинец, испытывала особые чувства.

Так я получила возможность заниматься танцами народов мира: украинскими и кавказскими. Мама отдала меня в одну из школ в центре города. Украинка по отцу, я охотно исполняла мои любимые украинские и кавказские танцы, в том числе и на школьной сцене перед дру-

гими детьми.

Конечно, не все было гладко, а однажды во время танца я даже споткнулась и упала под бурные аплодисменты, крики и смех зрителей – моих одноклассников. Позже, встречая меня на улице, они не упускали возможности подшутить надо мной и, к всеобщему удовольствию, показать, как именно это выглядело. Мне об этом еще долго напоминали. Хотя мы все от души над этим смеялись.

Сейчас мне 89, и я уже не танцую!

Были у нас в школе и уроки гимнастики, где тоже без казусов не обошлось. Как-то раз, когда я пыталась перепрыгнуть через козла, мои штаны разошлись по шву, что тоже немало повеселило окружающих!

В 1939 году, желая захватить новые земли, Россия напала на Финляндию. Но финнам удалось отразить наступление. Тогда я выступала в госпиталях перед русскими солдатами, ранеными в ходе этой кампании. Помню, как один из них, показывал, как надо исполнять русские народные танцы; так что я заодно бесплатно повышала свое мастерство.

Жизнь тогда была нелегкой, но мы не сдавались, стараясь как-то сводить концы с концами. Не знаю, как родителям удавалось выкраивать деньги на оплату моих занятий танцами. Возможно, они брали деньги в долг.

Квартира, которую мы снимали в особняке с видом на Неву [наша третья квартира], вскоре оказалась нам не по карману, так что, потратив на выплату части долгов деньги, оставленные дядей Петей, мы переехали на 6-ю линию Васильевского острова [в нашу четвертую

квартиру]. Отсюда было ближе до центра города. Правда, вид из окон, выходивших во двор, не радовал, но мы по-прежнему жили на набережной Невы. На сей раз квартира располагалась в задней части здания, откуда реки не видно. Отсюда было рукой подать до моста, ведущего на площадь перед Зимним дворцом, и до роскошных магазинов с товарами, которые мог себе позволить далеко не каждый.

На этой же улице стояли здания, напоминавшие дворцы прошедших эпох. В одном из них располагалась центральная городская библиотека. Оттуда же можно было выйти на глухие улочки, где причудливое убранство церковей соседствовало с прекрасными особняками некогда состоятельных семей.

Мама любила такие прогулки – они позволяли ей на время забыть о суровых буднях, и она всегда возвращалась в хорошем настроении.

Тем временем подрастала моя сестра.

Моя сестра Александрина

А теперь я немного расскажу о своей сестре Александрине, которую в России звали Шурой. Позже, во время жизни в Германии, ее называли просто Лекси. Она была на двенадцать лет старше меня.

Лекси родилась в Гамбурге. Она приходилась мне сводной сестрой по матери от предыдущего брака с немецким офицером. Он был старше матери на двадцать лет. Этот союз заключили не по любви, но по решению бабушки, которую связывали с зятем дружеские отношения. По-видимому, он имел неплохое состояние. Фамилия его была Шумахер, что по-немецки означает «сапожник». Моя сестра – вылитая немка, что неудивительно, учитывая ее происхождение. Она была невысокой блондинкой с пышными формами и разноцветными глазами – один серый, другой голубой, что выглядело довольно красиво.

Прирожденная комедиантка, она любила смешить людей. Иногда Шура переодевалась Чарли Чаплином и подражала его знаменитой походке – всех это очень забавляло.

Александрина была всеобщей любимицей и имела множество друзей. В шестнадцатилетнем возрасте она любила со мной гулять и притворяться моей матерью, хотя никто, разумеется, ей не верил: она выглядела слишком юной. Помню, как однажды мы ехали в трамвае. Выдавая меня за свою дочь, она пыталась найти мне место.

Пассажиры смеялись, зная, что это неправда. Прикидываясь взрослой, Шура заставляла меня называть ее мамой.

В другой раз, опять же в шестнадцать, она ехала в трамвае; на груди у нее была брошь в виде ягоды с жуком. В том же трамвае ехал один украинец, водолаз, сошедший с корабля в Ленинграде. Это был высокий и сильный парень, напоминавший ковбоя. Он засмотрелся на ноги моей сестры, и она сразу же покорила его сердце. Он сказал ей: «Девушка, а у вас жучок на ягодке!». В ответ она только рассмеялась и ничего не ответила.

Когда трамвай прибыл на нужную остановку, этот кавалер, которого звали Ваня Кучерук, проводил Александрину до дома и остался стоять у подъезда в надежде снова ее увидеть. Вслед за одним из жильцов ему удалось попасть внутрь и узнать номер нашей квартиры. На следующий день он купил огромный букет цветов и каким-то образом снова проник в подъезд. Постучался к нам. Дверь открыла моя сестра. Увидев нового знакомого, она захлопнула дверь прямо у него перед носом! Цветы он оставил под дверью. Это повторялось много раз, прежде чем она согласилась пойти с ним на свидание.

После весьма недолгих ухаживаний они поженились, и у них родилось трое детей – Владимир, Евгений и Юрий. К сожалению, потом Юрия не стало, о чем я расскажу далее. А Владимир и Евгений (по-немецки Вальдемар и Ойген) стали лучшими друзьями моего детства.

Отец мой был очень доволен этим союзом. Он любил зятя-украинца и считал детей Александрины своими внуками, ведь она была ему падчерицей.

Как я спаслась от бомбежки и нашла маму

Я уже рассказывала в самом начале моей книги о том, как несколько лет спустя бежала через мост напротив нашего дома на Университетской набережной* - Университетский мост. Внезапно, откуда ни возьмись, появились немецкие истребители и начали бомбить мост! Люди разбегались в поисках укрытия. Повсюду лежали раненые и убитые.

Изо всех сил я бросилась бежать с моста, не чуя под собой ног.

Добравшись до дома, я не остановилась. Ноги сами меня несли.

Я взлетела по лестнице на пятый этаж, наткнулась на дверь последней квартиры и упала на пол, хватая воздухом и пытаясь успокоиться. Так я долго лежала, дрожа, пока не оправилась немного от пережитого ужаса.

Немного погодя, я спустилась на третий этаж, где мы жили. Родители в это время искали меня на улице, Они несказанно обрадовались, когда нашли меня дома живой и здоровой! Родители рассказали мне страшную новость: войска фашистской Германии наступают на Ленинград.

Гитлер объявил войну России 22 июня 1941 года в ходе кампании под названием «операция “Барбаросса”». Он

* Здесь автор допускает неточность: Дворцовый мост действительно был переименован с 1917 по 1944 год, но он носил название не Университетский, а Республиканский (прим. перев.).

заявил, что заморит всех ленинградцев голодом, и приложил все усилия, чтобы сдержать свое слово. Очень скоро дневная порция хлеба снизилась до 250 граммов – по размеру как кусочек пирога. Хлеб был не очень хорошего качества, и со временем в него стали добавлять, скажем так, «необычные» ингредиенты, например, обойный клей и опилки.

Помню, как-то раз мне настолько хотелось есть, что я попробовала опилки, которыми утепляли окна зимой. Конечно, я даже не смогла их проглотить. Еще помню, как люди ползали на четвереньках после бомбардировки склада, стараясь найти сахар, который смешался с землей после взрыва. Они пытались высосать сахар из земли – вот до чего их довел голод. Положение было отчаянное. Люди ели все, что хотя бы наполовину было или казалось съедобным.

Я постоянно вспоминала слова Гитлера. Просто не укладывалось в голове, как на свет мог появиться человек, способный нанести так много вреда.

Каждый день по несколько часов жители Ленинграда стояли в очередях за едой. Питьевой воды тоже не хватало. Электричества не было. Люди умирали на улицах, повсюду лежали трупы. Ели домашних животных. Через некоторое время на улицах не осталось собак. Жизнь превратилась в кошмар. Люди хоронили родственников — заворачивали их в одеяла и везли на кладбище на санях.

Как я выжила? Мне просто повезло. В день я получала немного больше, чем кусочек хлеба. Все благодаря тому, что дядя Ваня рисковал жизнью, чтобы достать прови-

зию для моей сестры Лекси (его жены) и троих детей. Он тайком приносил большие банки сгущенного молока. Мы ели его по ложке каждый день в дополнение к скудному хлебному пайку. Мне кажется, мама отдавала мне и большую часть своего хлеба, чтобы я выжила. Получается, она жертвовала собой, чтобы спасти меня. Помню, каждый раз, когда я сжимала ее руки, на ее коже оставались следы от моих пальцев: маме нездоровилось, ее мучили сильные отеки.

Конечно, на таких маленьких кусочках хлеба и сгущенке мы бы долго не протянули. Мы все больше слабели и худели, и в скором времени для нашей семьи настали самые темные времена.

Однажды я вернулась из школы, а мама сидела, приклонившись к нашей большой, круглой, доходящей почти до потолка печи с маленькой дверцей, чтобы подкладывать дрова. В холодные дни мы прижимались к печке, чтобы согреться, хотя к тому времени дров уже почти не было. Но мы все равно сидели вокруг нее по привычке, представляя, что она теплая.

Я наклонилась к маме и поцеловала ее. К моему ужасу, она была холодной, заочевшей. И тогда я поняла — мама умерла.

В тот момент мне стало физически больно — таким сокрушительным ударом была для меня смерть матери. Я горько плакала и долго ее обнимала.

Потом я в отчаянии выбежала из дома, чтобы найти отца. Отыскать его удалось не сразу.

Со слезами на глазах я сообщила ему ужасную новость. Папа был убит горем, расплакался — но все же не

удивился. Он был к этому готов. Каждый день вокруг умирали люди. Смерть стала обыденным делом, частью нашей обычной, повседневной жизни. И все же каждый пытался верить, что с его родными такого не случится, поэтому для любой семьи смерть близкого становилась ужасной личной трагедией.

Папе тяжело было хоронить маму — любовь всей своей жизни.

Я всегда буду помнить, как папочка завернул тело мамы в одеяло, нашел в себе силы снести ее по лестнице и положить на мои салазки, на которых я каталась по снегу.

Помню, как стояла и смотрела ему вслед - папа запретил мне идти с ним на кладбище, чтобы я не видела, как он хоронит мамочку.

На то, как в то время хоронили мертвых, было больно смотреть. Мне уже доводилось это видеть. На кладбище рыли ямы – большие, в ряд. Тела бросали друг на друга. Когда ямы заполнялись трупами, их засыпали землей, получалась братская могила. Копать можно было только весной, летом и осенью, пока земля была достаточно мягкой*.

Я провожала глазами маму, лежащую на салазках, которые папа тянул за собой: ее ноги волочились по снегу. Наконец они скрылись из виду. Тогда я видела маму в последний раз.

* На Пискаревском мемориальном кладбище установлен мемориал, посвященный жертвам блокады Ленинграда. На памятной доске указано, что с 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года от голода умерли 641803 человек. (Источник: Википедия – Пискаревское мемориальное кладбище).

Это случилось в январе 1942 года. Мне было тринадцать лет.

После похорон отец принял важное решение. Он был готов на все, чтобы спасти мне жизнь. И у него получилось. Благодаря этому я сейчас записываю свои воспоминания.

Бегство по «Дороге жизни»

Вскоре после похорон мамы, папа и его зять Ваня добились того, чтобы Лекси, ее троих детей и меня эвакуировали по «Дороге жизни». В зимние месяцы по замерзшему Ладожскому озеру проходили грузовики, лошади и повозки, которые в город везли продовольствие, а из города увозили людей – подальше от ужасов блокады. Нам удалось занять место на запряженной лошадью телеге. Люди расталкивали друг друга, чтобы туда влезть, но у нас с сестрой и ее детьми все-таки получилось там разместиться.

Помню, как махала папе, когда усталое, истощенное животное потащило телегу по толстому льду. Я не знала, увижусь ли с папой снова. Тогда я видела его в последний раз*.

Самолеты Люфтваффе постоянно бомбили эту импровизированную дорогу, и случалось, грузовики проваливались в пробоины от снарядов во льду, а несчастные пассажиры тонули в ледяной воде. Но голод уносил столько жизней, что риск отправиться в опасное путешествие был оправдан.

* Через несколько лет, после войны, я узнала от Вани, что мой отец тоже вскоре умер от голода, по словам тети Эльзы, скорее всего, в том же январе 1942-го – точную дату установить было трудно, так как семейное древо составлялось спустя много лет после войны. Ваня нашел тело отца в нашей квартире, вернувшись домой с дежурства. Оно лежало на кровати и уже начало разлагаться – на Ваню легла тяжелая обязанность хоронить отца.

Холод стоял жуткий. В Ленинграде зимой температура опускалась до минус 35 градусов Цельсия, но из-за ветра казалось, что было еще холоднее – до минус 40.

Мы проехали совсем немного, когда наша истощенная лошадь упала замертво. Люди сразу же кинулись отрезать от нее куски и есть сырое мясо – настолько все были голодные. После этого те, кто посильнее, потянули телегу на себе. Я была слишком слаба, чтобы идти, так что меня тащили в телеге с остальными.

К счастью, нам с сестрой повезло – мы смогли выбраться из Ленинграда по «Дороге жизни». Когда телега преодолела путь по замерзшему озеру, нас пересадили на поезда, которые шли на юг, на

Кавказ, подальше от зоны непосредственных военных действий.

Товарным поездом на Кавказ

Перед тем, как отправиться в долгое путешествие в вагоне для скота, нам пришлось побороться за место в поезде. Помню, как меня передавали через головы, чтобы посадить в вагон.

Я познакомилась с замечательной семьей: Екатериной Николаевной, которая очень беспокоилась о моем состоянии и присматривала за мной во время поездки, и Валерией, ее дочерью, очень умной и приятной девушкой, которая любила лошадей и была широко известной в Москве наездницей; а еще с Александром (мы звали его Шурик). Ему было пятнадцать, и мы с ним подружились. Екатерина дала мне много хороших советов на будущее.

Никто не знал, как долго продлится наше путешествие. Мы ехали не меньше месяца. Борясь с жаждой и голодом, мы потеряли счет времени, поезд периодически останавливался на каких-то станциях, и пассажиры понятия не имели, как долго он простоит. В пути люди умирали от голода; во время каждой остановки приходилось выносить тела и класть рядом с железной дорогой. От недоедания я сильно похудела и ослабла, как и многие другие.

На остановках местные жители приносили нам еду, и мы выменивали ее на одежду и другие вещи, которые нам удалось взять с собой.

Как-то раз, несмотря на мою слабость, сестре пришлось послать меня вместе с другими пассажирами на

рынок неподалеку, чтобы обменять некоторую нашу одежду на еду. Ей нужно было кормить троих детей. Один из них – Юра, родился во время блокады в Ленинграде. Он был очень слабеньким.

То, что мы увидели, возвращаясь к поезду, повергло нас в ужас – поезд тронулся! Сил у меня совсем не было, я могла лишь очень медленно идти, поэтому, пока я добралась до рынка, мне удалось раздобыть лишь полмешка картошки, но все равно это была еда. И тут я увидела, что поезд начал медленно набирать скорость. Человек в последнем вагоне махал мне рукой, показывая, чтобы я бросила мешок, который тащила на спине, и побежала. Я едва могла идти, но вдруг, в приступе отчаяния, бросилась бежать! Если бы я не успела на поезд, то, скорее всего, никогда больше не увидела бы сестру и племянников, которых так любила. Я бы осталась одна и затерялась на бескрайних российских просторах.

От голода я совсем ослабела, но что-то внутри придало мне сил. Как будто в этот момент со мной был Бог. Ноги сами меня несли. Когда я добралась до последнего вагона, тот мужчина схватил меня за воротник пальто и втащил внутрь. Я не могла поверить, что у меня получилось! В вагоне я, совершенно обессиленная, долго лежала, пытаюсь восстановить дыхание. Не представляю, где сейчас тот спасший меня русский, и жив ли он еще, но я невероятно ему благодарна.

Спустя несколько дней, на следующей остановке, этот добрый человек взял меня за руку, и мы пошли искать сестру - я сказала, что она едет с детьми в другом конце поезда. Сестра не знала, что я успела на поезд, и думала,

что больше никогда меня не увидит. Она была в отчаянии и горько плакала. Но когда я пришла, она, упав на колени, начала молиться и благодарить Бога.

Мужчина от всей души пожал ей руку, и я помню, как он сказал: «У тебя есть не только сестра, но и мешок картошки – она бы ни за что его не бросила!»

Мы так долго не ели нормальной еды, что картошка показалась нам невероятно вкусной. Мы как-то изловчились и приготовили ее прямо в поезде.

После этого мы много дней голодали, а поезд то останавливался, то ехал дальше, но вот, наконец, мы прибыли в город Краснодар в Краснодарском крае, на Кавказе.

К тому времени я совсем ослабла. Маленькому Юре тоже пришлось тяжело, но сестра и двое других племянников чувствовали себя немного лучше: муж сестры Ваня был водолазом, защищавшим Ленинград. Он отдавал детям часть своего пайка – сгущенное молоко и шоколад, чтобы они не умерли с голоду, пока он искал способ переправить нас через Ладожское озеро и посадить на поезд для перевозки скота.

Когда мы прибыли в Краснодар, немецкие солдаты, оккупировавшие эту местность, остановили поезд и приказали всем выйти. Они стали обыскивать вагоны – вдруг кто-то спрячется внутри. Солдаты искали евреев и нашли нескольких, разного возраста. Из-за того, что отец забыл дать мне свидетельство о рождении, сначала и я попала под подозрение, так как не могла доказать, кто я и какой национальности. Я долго сидела одна в пустом вагоне. Было очень страшно: я видела, как солдаты проверяли у пассажиров документы, а затем всех евреев, и

молодых, и старых, согнали вместе. Эти несчастные пытались спастись от голода, но теперь им снова грозила смертельная опасность.

Немцы выстроили евреев рядом с поездом, и несколько солдат с поезда открыли по ним огонь, убив нескольких человек.

Я боялась, что меня постигнет та же участь. Это было ужасно.

После того, как стрельба закончилась, прибежали местные жители, пытаясь помочь оставшимся в живых, и увели кое-кого из раненых в свои дома.

Немецкие солдаты продолжали обыскивать поезд и снова добрались до моего вагона. Я плакала от страха. Они спросили кто я такая, и я заговорила с ними по-немецки. Они начали выяснять, откуда я знаю немецкий. Я объяснила, что моя мать – немка, а отец – украинец, и рассказала, что случилось с моей семьей и со мной, и что у меня есть родственники в Германии. Солдаты оставили меня на некоторое время в вагоне, решая, что со мной делать. К моему большому облегчению, они поверили моему рассказу, сжалились надо мной и отвели к тем, кто не был евреями.

Через некоторое время на грузовике нас отвезли в соседнюю деревню. Я уже не помню ее названия. Каких продуктов там только не было: молоко, масло, сыр, фрукты, овощи и мясо; но после столь длительного голодания я не могла есть. Деревенский врач сказал сестре, что я умираю, и стоит готовиться к худшему.

Все это время я находилась в каком-то полубессознательном состоянии. Моя сестра все сильнее за меня

переживала и решила пойти за врачом. Я лежала в постели, и она оставила спящего Юру рядом со мной. Так малыш был не один, да сестра и не собиралась уходить надолго.

Помню, как лежала в каком-то темном, похожем на дым тумане, когда услышала рядом плач ребенка. Это был Юра. Я не хотела, чтобы он плакал, кое-как встала, обняла его и стала укачивать.

Когда сестра с доктором пришли, они не могли поверить своим глазам! Врач воскликнул: «Это чудо!» Но настоящее чудо произошло, когда я начала есть. После этого силы начали возвращаться, хотя в то время я все еще была очень худой и истощенной. Подозреваю, что мое наполовину украинское происхождение наградило меня крепким здоровьем, что помогло мне полностью поправиться. Думаю, только поэтому я тогда выжила и дожила до 88 лет. Кроме того, обо мне заботились очень хорошие люди – Екатерина и Валерия, с которыми я познакомилась в поезде: они ухаживали за мной и помогали мне выздороветь.

Помню как-то раз в деревне под Краснодаром моя подруга Валерия, очень хорошая наездница, решила научить меня ездить верхом. У нас неплохо получалось, но вдруг лошадь чего-то испугалась. Прежде чем мы поняли, что происходит, лошадь перешла на галоп и, бешено брыкаясь, поскакала по мосту через речушку! Поводьев не было, и я отчаянно вцепилась в лошадиную гриву, а когда держаться больше не могла, упала под мост, в холодную воду! Из всех сил я старалась держаться на плаву. К счастью, Валерия быстро поняла, что плавать я не

умею; она прыгнула в воду и спасла меня. Было очень страшно.

Позднее, после этого случая, она научила меня плавать! Такие счастливые воспоминания остались у меня от того нелегкого периода моей жизни.

Не понимаю, как я все это делала, еще не оправившись от истощения. Это было так давно... И пусть я чуть не умерла в Ленинграде, благодаря регулярному питанию и молодости силы и здоровье начали потихоньку восстанавливаться.

Некоторое время мы оставались на Кавказе, пока немецкие солдаты решали, что с нами делать. К счастью, вскоре наступило лето, и жить в ожидании своей участи нам стало несколько проще.

Мы слышали, что неподалеку идут бои между русской и немецкой армиями; немецкие солдаты вот-вот должны были определить нашу дальнейшую судьбу.

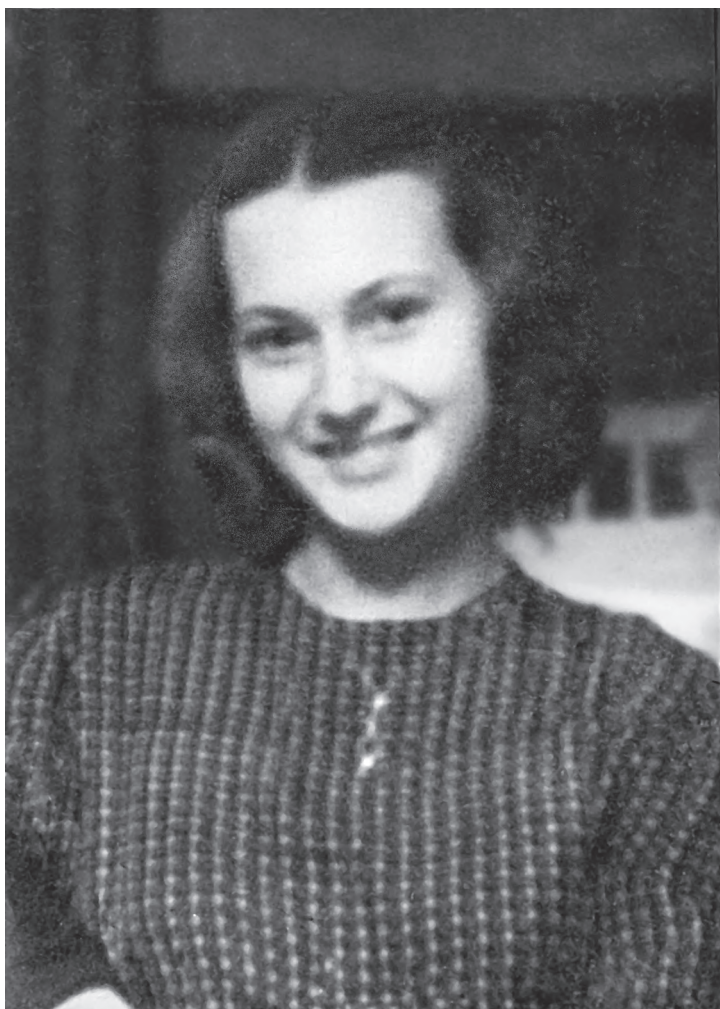
Как я оказалась в Германии

Незадолго до окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 года и последующего отступления немецких войск, фашисты взяли в плен жителей ближайших районов: они собирались увезти их в Германию, в концлагеря. Многих русских заставили работать на немецких заводах.

Меня вместе с остальными посадили на поезд и отправили в очередное долгое путешествие – на этот раз в Германию, во Франкфурт.

Поскольку моя сестра Лекси, как и я, говорила по-немецки, и при этом, что важно, везла с собой свидетельство о рождении, которое подтверждало, что она – немка и родилась в Гамбурге, её вместе с двумя детьми, Вальдемаром и Ойгеном, отправили в Австрию. Там они жили до конца войны, а затем переехали в Гамбург.

К несчастью, ее младший сын, Юра, погиб от истощения еще до отъезда из Краснодара - у сестры почти не было молока, и малыш слишком ослаб. Еще одна трагедия в нашей семье. Мы с сестрой уже потеряли мать и отца, и нам тогда очень тяжело пришлось. Разумеется, горе постигло не только нас, другим людям тоже многое пришлось вынести.

Луиза в юности (Ральштедт, Гамбург), ок. 1944 года.

Моя жизнь в Германии во время войны

Поначалу, приехав во Франкфурт, я жила в трудовом лагере и спала на жесткой деревянной койке. Мне дали работу на заводе, где я собирала какие-то устройства – я уже не помню, какие именно. Нам просто говорили, что делать; понимать, что мы делаем, не требовалось – мы должны были только исполнять приказы.

Через некоторое время один из надзирателей понял, что, в отличие от других русских пленных, я хорошо говорю по-немецки, и незамедлительно доложил начальству. Вскоре меня отправили в дом немецкого офицера, работавшего в лагере, чтобы я помогала его жене присматривать за детьми. Её, кстати, тоже звали Луиза. Я рассказала, что у меня в Германии, в Ральштедте, живут бабушка, тетя и кузен, что они переписывались с моей мамой в Ленинграде. Жена офицера отнеслась ко мне очень сердечно. Во-первых, потому что я рассказала ей обо всем, что пришлось пережить моей семье во время блокады, и, во-вторых, потому что я была еще маленькой; мне недавно исполнилось четырнадцать. По своей доброте она навела кое-какие справки, и через некоторое время тетя Эльза (младшая сестра мамы) договорилась приехать во Франкфурт, и забрать меня в Ральштедт.

Я помню, как приехала на главный вокзал Гамбурга – «Хамбург Хауптбанхоф». Гамбург – крупный морской порт на северном побережье Германии, поэтому он сильно пострадал от бомбежек ВВС союзников. Город постиг-

ла участь Дрездена – большая его часть превратилась в руины. Мы с тетей отправились в Ральштедт, который находился в нескольких километрах от вокзала. Идти пришлось долго; кругом – догорающие здания, повсюду обломки. Наконец, мы прибыли в Ральштедт, очень уставшие после долгой дороги.

Но главное – мы были дома. Я наконец встретилась с бабушкой и кузеном, сыном тети Эльзы, Карлом. Впервые после долгих-долгих месяцев путешествия, ночевок где придется, я почувствовала себя дома.

Хоть я и была счастлива жить с родственниками, не все шло гладко – соседи-немцы, на которых гитлеровская пропаганда повлияла очень сильно, узнали, что я из России. Им это не понравилось, и их враждебность осложняла мне жизнь. Но тетя вступалась за меня.

Тетя Эльза была образованной женщиной. Она работала секретарем гамбургского почтмейстера. Она была замужем за немцем, подрядчиком по погрузке судов по имени Михаэль Пильгер (по-русски «Pilger» означает «пилигрим»). За несколько лет до моего приезда, с ним произошло роковое происшествие. Дядя работал в порту Гамбурга и во время погрузки корабля получил смертельную травму. Так что, когда я приехала в Гамбург, тетя была вдовой.

Я помню, как-то утром, на грани сна и пробуждения мне почудилось, что моя покойная мама сейчас здесь, в моей комнате. Будто бы она пришла проверить, все ли со мной в порядке, в безопасности ли я. Когда я толком проснулась и оглянулась вокруг, мама уже исчезла.

В то время мы с двоюродным братом Карлом почти не

общались: он не говорил по-русски, а я говорила по-немецки с сильным акцентом. К тому же, он недавно обручился и уделял все свободное время своей невесте. Его не очень интересовало то, что я пережила в Ленинграде, и вдобавок, на Карла повлияли антирусские настроения, царившие в то время в Германии. В отличие от моей тети он был молод, никогда не жил в другой стране, да и жизненным опытом похвастаться не мог, поэтому понимать, через что мне и моей семье пришлось пройти, он был не в состоянии.

Я также познакомилась с другим членом семьи - своим кузеном Харальдом Бегенхольдом, который жил в районе Гамбурга под названием Альтона. Он был сыном дяди Вальтера, одного из младших братьев мамы. Иногда Харальд навещал тетю Эльзу. Там мы и встретились в первый раз. Мы были одного возраста и сразу ладили. Время от времени он водил меня в кино, помогал мне привыкнуть к жизни в Германии. Вскоре Харальд познакомился с очень милой девушкой по имени Урсула Гертемакер, на которой потом женился. У них родилось двое детей: Дитер и Йенс. Оба они теперь женаты. На момент написания книги Дитер живет с женой и двумя дочерьми в Австрии; его младший брат, Йенс, живёт с супругой в Лондоне.

У Харальда был старший брат, Курт. Они часто приходили в гости к тете Эльзе. Я встречалась с Куртом всего один раз. Я помню, что Курту предложили должность в СС – он хорошо проявил себя как солдат. Он не был ярым нацистом, а просто исполнял воинский долг и сражался за родную страну. Мне сказали, что он согласил-

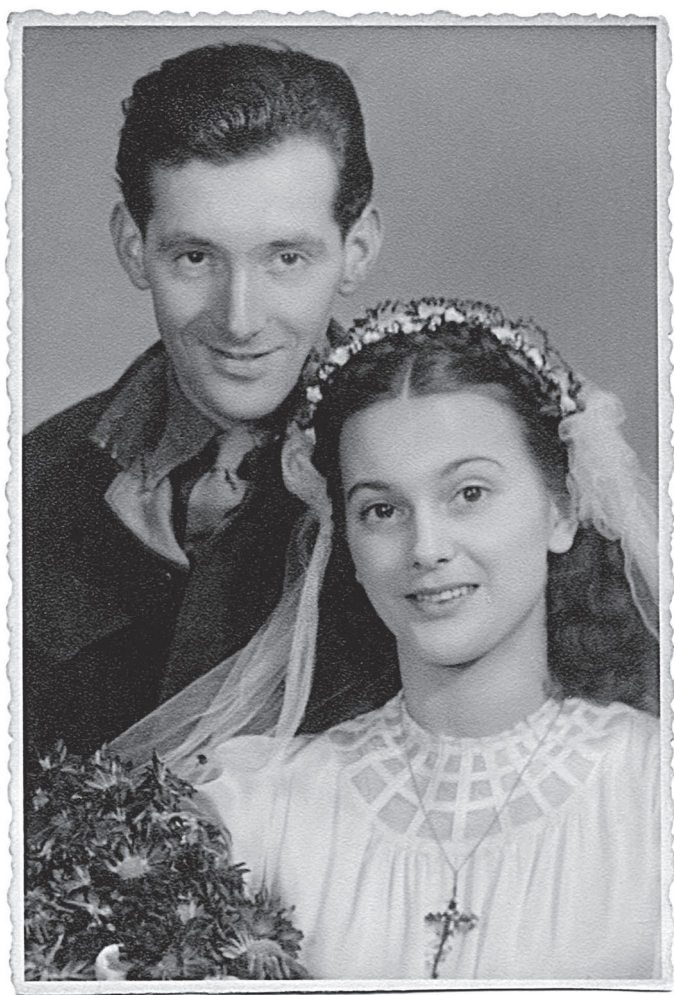
ся на должность, потому что ему пообещали трехнедельный отпуск перед отправкой на Восточный фронт, где ему предстояло воевать с русскими. Вскоре после развертывания его полка в начале 1945-го года мы получили печальные известия: Курт был убит в бою под Гдинге-ном в Пруссии (современная Гдыня, Польша). Еще одна трагическая потеря для нашей семьи, а ведь до конца войны оставалось совсем немного. Если бы война закончилась на несколько месяцев раньше, он остался бы в живых.

Из-за войны я, как и многие мои сверстники, почти не получала образования, так что когда я выросла и начала искать работу, то поняла: выбирать особо не из чего. Поэтому я решила заняться парикмахерским делом вслед за сестрой Лекси. Меня взяли на работу в мужскую парикмахерскую, где я научилась стричь и брить. Однажды я брила солдата опасной бритвой и нечаянно сильно порезала его! Что вовсе не помешало ему пригласить меня на свидание. Солдатам нравилось приходить ко мне стричься, чему, разумеется, очень радовался владелец парикмахерской. Хотя бы потому, что стрижка в моем исполнении была куда безопаснее бритья!

Тогда же я познакомилась с одной девушкой, которая стала моей хорошей подругой. Но, к несчастью, наша дружба оказалась короткой. В то время в Германии ездили грузовики с большими прицепами. Однажды, когда моя подруга переходила дорогу под проливным дождем, она не увидела, что проезжающий мимо грузовик был с прицепом. Когда грузовик проехал, девушка стала переходить дорогу и попала под прицеп. Она погибла

на месте. Еще одно трагическое воспоминание тех тяжелых послевоенных лет.

Время от времени на чашечку кофе меня приглашал один молодой немецкий солдат, однако его старшей сестре не понравилось, что я русская, и она запретила ему со мной встречаться. На этом наше общение прекратилось.

Роланд и Луиза в день свадьбы. 6 декабря 1947 года.

Окончание войны и встреча с будущим мужем

К счастью, в 1945 году война наконец закончилась, британские и американские войска заняли северную Германию. Мое русское происхождение и неприязнь, которую испытывали ко мне соседи тети, привели к тому, что я не чувствовала себя немкой. Моя мать была немкой, но солдаты союзнических войск казались мне не врагами, а освободителями. К тому времени большинство людей были рады, что война подходит к концу. На улицах Ральштедта стали появляться прогуливающиеся британские солдаты.

К тому времени я успела сменить работу и устроилась официанткой в бар-ресторан. Однажды в заведение, где я работала, пришли английские солдаты. Один из них был изрядно подшофе – вместе с товарищами они устроили бурные проводы общего друга, которому скоро предстояло отправиться в другую часть Германии – город Мюнстер в Рейнланде. Когда английские солдаты пришли в бар-ресторан, мы с подругой играли в бильярд.

Одному из солдат я понравилась, и он предложил сыграть партию в бильярд. В какой-то момент мне понадобилось подняться на верхний этаж, и он попытался последовать за мной, но из-за того, что не мог устоять на ногах от количества выпитого, на середине лестницы споткнулся и упал. Его друг помог ему встать и отвел обратно в казарму – отоспаться и протрезветь.

На следующий день он пришел с букетом цветов и искренними извинениями за свое поведение накануне вечером. Он объяснил, что обычно не пьет, но в тот раз решил присоединиться к гулянке, чтобы как следует проводить друга. Его звали Роланд Дэвис, но друзья называли его Дэйв. Он попросил, чтобы я тоже называла его Дэйвом.

Я почти не говорила по-английски, а Дэйв – по-немецки, однако нам как-то удавалось общаться. Со временем, конечно, каждый из нас постарался выучить язык, на котором говорит другой.

Дэйв пригласил меня на свидание, и я согласилась.

У тети Эльзы была подруга, хорошая портниха. Она сшила мне очень красивое платье, а я раздобыла к нему подходящую шляпку. Решила надеть их на первое свидание. На автобусную остановку, где было назначено рандеву, я пришла вовремя. Дэйва нигде не было, поэтому я решила пройтись в надежде, что он меня заметит. Я проходила так довольно долго, а потом подумала: если бы ему хотелось со мной встретиться, он бы уже пришел. Итак, я решила, что не стоит больше ждать, и вернулась домой.

На следующий день Дэйв подошел ко мне и разочарованно сказал: «Почему ты не пришла вчера, как обещала?» Я ответила, что пришла, а не сдержал обещание как раз он!

Дэйв засмеялся и спросил: «Так это ты ходила туда-сюда в большой шляпе?» Я ответила: «Да, это была я!» и тоже засмеялась. Он сказал, что не узнал меня, потому что я выглядела так шикарно, а поля шляпки ме-

шали разглядеть лицо! После этого мы уже больше не ошибались.

Мы начали часто видаться, однако британским солдатам не позволялось тесно общаться с немцами, поэтому Дэйву, когда он провожал меня до дома, приходилось идти на несколько шагов позади, чтобы никто не догадался, что мы встречаемся, иначе тетины соседи донесли бы на нас. Из предосторожности Дэйву приходилось поворачивать и махать мне на прощание, когда мы подходили к воротам тетиного домика. Мы держали наши встречи в глубокой тайне.

Так продолжалось до тех пор, пока не сняли запрет на контакты с местным населением, и тогда уже не осталось препятствий нашей любви.

Наш роман совсем не был безоблачным. Но я любила Дэйва. Он стал любовью всей моей жизни.

Я пригласила его домой, чтобы познакомить с тетей Эльзой и остальными членами семьи. Сначала они были несколько обеспокоены тем, что я встречаюсь с английским солдатом, ведь война только-только кончилась. Впрочем, не считая этого, тетя не имела ничего против моей дружбы с англичанином. Она много читала, широко смотрела на мир и уважала все нации. В нашей семье всегда говорили и по-русски, и по-немецки, поэтому мы воспринимали мир с позиции космополитизма. Один из моих немецких дядей, Александр, сражался в России на фронтах Первой мировой войны и женился там на русской девушке, поэтому нас многое связывало с Россией. Кроме того, моя тетя родилась в Латвии, в Риге, то есть жила не только в Германии.

У Роланда были густые и волнистые темные волосы, и когда мои родные впервые его увидели, они подумали, а не еврей ли он? Однако это было не так. Моя семья ничего не имела против евреев, беспокойство скорее вызывали чужая культура и религия. Да и тетя, мягко говоря, совсем не была поклонницей Гитлера и его антисемитских взглядов. Всякий раз, услышав выступление Гитлера, тетя настойчиво просила выключить радио и с отвращением говорила, что этот безумец погубит Германию. История показала, что она, конечно же, была права. Несмотря на показной патриотизм, многие немцы втайне разделяли ее чувства, но из страха быть арестованными опасались высказывать свое мнение. Власть нацистов, как известно, основывалась на страхе и пропаганде.

Как бы то ни было, мы с Дэйвом продолжали видеться, моя семья к этому привыкла и вскоре смирилась с таким положением дел.

Мы столкнулись еще с одной трудностью, когда полк Дэйва перевели в Вестфалию, местность в западной Германии на берегах Рейна. Я скучала по Дэйву и не хотела его терять, поэтому последовала за ним и нашла квартиру и работу в соседней деревне.

Мы продолжали встречаться, и через некоторое время Дэйв сделал мне предложение. Я согласилась, и мы подали заявление. Так как я не была британкой, а война только недавно кончилась, меня причислили к иностранцам, и на получение разрешения потребовалось некоторое время. С одной стороны, помогло, вероятно, то, что я не имела немецкого гражданства. Правда, тетя Эльза подавала заявление на получение мной гражданства, чтобы об-

легчить мне жизнь после войны, и это стало очередной трудностью. Несмотря на все это, разрешение наконец было выдано, и 6 декабря 1947 года мы поженились в городе Мюнстере. Дэйву только-только исполнилось 24, а мне – 19. Тогда, в Германии, мы были очень счастливы.

Вскоре полк моего мужа отправили обратно в Англию, и наш медовый месяц в Германии подошел к концу.

Печальная история моей сестры

Из-за блокады Ленинграда и эвакуации моя сестра Лекси потеряла связь со своим мужем-украинцем и решила, что он погиб на фронте. Потом война закончилась, но после нее царил такой хаос, что найти друг друга было непросто. В Европе царил беспорядок, и Россия казалась такой далекой. Каждый выживал, как мог. Лекси фактически осталась вдовой с двумя маленькими сыновьями. К сожалению, ее младший сынишка, Юра, умер в Краснодаре. Он попросту слишком ослаб от недоедания в голодные времена блокады, а у сестры почти не было молока.

К тому времени она переехала из Австрии в Гамбург, чтобы быть поближе к тете Эльзе и другим родственникам.

Там она познакомилась с немцем по имени Эвальд Дерфер. Высокого роста, хорошо сложенный, он напоминал ее первого мужа, Ивана. После войны наступили очень тяжелые времена, и она, как могла, старалась прокормить двух сыновей. Несмотря на все пережитое нами во время голода в Ленинграде, сестра оставалась красивой молодой женщиной, ей тогда было около тридцати лет.

Эвальд ухаживал за ней, и вскоре они поженились. Он с радостью заботился о двух ее сыновьях. В 1949 у них родился общий сын, Хельмут, и они всей семьей обосновались в Гамбург-Ральштедте.

Жизнь, казалось, наконец начала налаживаться, и вот

однажды, к своему изумлению, Лекси получила письмо от первого мужа Вани: он был жив! Как для нее, так и для всех нас это стало большой неожиданностью и потрясением. После войны он отчаянно пытался узнать, где она, и наконец ему удалось разыскать ее в Гамбурге.

Тогда он договорился о встрече с бывшей женой и двумя сыновьями. Разумеется, ситуация сложилась очень непростая, поскольку Лекси была замужем за Эвальдом, которого приезд Вани нисколько не обрадовал. В памяти уже не осталось всех подробностей, помню только, что в конце концов ему пришлось вернуться в Россию, оставив Лекси и двух сыновей, Вальдемара и Ойгена. Что еще ему оставалось делать? Он не мог забрать сыновей от матери, и не мог остаться в Германии. Проблема была неразрешимой. Помню, как он ушел, повесив голову, убитый горем. Не могу представить, что он чувствовал.

И сестре, и ее детям, и мне было очень тяжело, ведь именно Ваня нас спас и помог уехать из Ленинграда. Жизнь так несправедливо с ним обошлась.

Сколько же было похожих историй из-за этой ужасной войны, за которую в ответе герр Гитлер и его безумные подпевалы? Похоже, будто они со Сталиным боролись за звание «величайшего в мире злодея».

Ваня в конце концов снова женился, и у него родились еще двое сыновей, но все же что за несчастливая история! Жизнь так жестоко обошлась с их семьей. Вот такое опустошение и хаос война принесла миллионам людей; сестре и зятю ничего не оставалось, кроме как разойтись в разные стороны и просто продолжать жить, несмотря на расставание.

Очередная трагедия – очередная война.

Когда старший сын Лекси, Вальдемар, вырос, он несколько лет служил судовым коком на торговом судне. Как-то раз, когда его корабль пришвартовался в Ленинграде, ему удалось пару раз навестить отца. Едва ли можно представить, какие сильные эмоции бушевали в те редкие встречи.

Ваня женился на другой женщине. Конечно, ей не очень-то нравилось, что он общается с семьей своей первой жены, но после той встречи Вальдемар поддерживал связь с отцом.

Девятилетний Вальдемар, моя сестра Лекси (28 лет), пятилетний
Ойген и я, Луиза (16 лет)
Фотография сделана в августе 1944.

Переезд в послевоенную Англию

Но вернемся к моей личной истории

В начале 1948 года полк моего мужа отправили обратно в Англию, поэтому на несколько недель мы оказались разлучены, а затем я поехала к нему.

И вот, уже в третий раз, мне предстояло учиться жить заново: сначала в России, где я родилась, потом в Германии, а теперь моим домом стала Великобритания.

Я впервые путешествовала по морю. Помню, как села на паром в Хук-ван-Холланде, в Голландии, и прибыла в английский Харидж, а затем отправилась на поезде через графство Эссекс. Помню, как смотрела в окно, очарованная прекрасным видом ярко-зеленых полей. Вокзал на Ливерпуль-стрит в Лондоне и так выглядел довольно серым и мрачным, а, из-за паровозного дыма, казался и вовсе черным. Как и Гамбург, Лондон и его окрестности серьезно пострадали от бомбардировок во время операции «Блиц»*.

Я оказалась в незнакомой стране, совсем одна, люди вокруг говорили на непонятном языке – все это, естественно, очень меня пугало. Но на вокзале меня встретили Дейв и его сестра Хейзел. Какое счастье, что теперь мы снова были вместе.

Родительский дом Дейва, который находился на Литл-мур-роуд недалеко от Саут-парка в городе Илфорд граф-

* «Блиц» - бомбардировка Великобритании Германией в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941 года. В результате многие города, в том числе Лондон, были значительно разрушены (Прим. переводчика).

ства Эссекс, приятно меня удивил: симпатичный домик с тремя спальнями, а также прекрасный огород, в котором росли разные овощи. Повсеместное выращивание овощей являлось частью кампании по увеличению урожая во время войны; в Британии того времени был популярен лозунг «Победа начинается с грядки» («Dig for Victory»)*. Еще они держали кур-несушек и кроликов.

Итак, дом располагался примерно в 15 километрах от Лондона; кроме родителей Дейва в нем жили его младший брат Бернард и сестра Хейзел. Едва ли это были идеальные условия для молодой семьи, но в послевоенное время нам, как и многим другим, приходилось мириться с жизнью в стесненных условиях.

Освоиться на новом месте удавалось с большим трудом, ведь я почти не говорила по-английски, поэтому почти не могла рассказать, что произошло со мной и моей семьей. Поначалу соседи, ровным счетом ничего обо мне не знавшие, не одобряли того, что рядом с ними будет жить немка, да еще сразу после войны. И неудивительно: авианалеты, концлагеря, многочисленные жертвы – невозможно перечислить все ужасы, в которых повинны фашисты.

Хотя война между Великобританией и Германией закончилась совсем недавно, семья Дейва оказала мне радужный прием, и я почувствовала себя как дома.

Моя свекровь, Верти Дороти Дэвис (домочадцы зва-

* В условиях дефицита продуктов питания Министерство сельского хозяйства Великобритании объявило кампанию по увеличению урожая. Население призывали обеспечивать себя продовольствием своими силами, из-за чего небольшие садовые участки и даже парки были отведены под выращивание овощей. (прим. перев.)

ли ее Берди*), была волевой личностью и верховодила в семье. Я быстро подружилась с братом Дейва, Бернардом. Он был младше меня на десять месяцев, а Хейзел – старше на два с половиной года.

Мой свекор, Харольд Виктор Дэвис, был добрым и понимающим человеком. Принимая участие в сражениях Первой мировой войны, он получил отравление во время газовой атаки, отчего имел слабые легкие. Вдобавок в его теле застряли осколки шрапнели, поэтому его здоровье оставляло желать лучшего. Мне кажется, случившееся с ним смягчило его характер, и он понимал, что мне пришлось пережить и как тяжело было потерять родителей при таких трагических обстоятельствах. Мы прекрасно ладили.

Мне приходилось донашивать вещи Хейзел, ведь в Великобританию я приехала без гроша в кармане. Естественно, страна еще не оправилась от последствий войны, продукты и товары еще несколько лет выдавали по карточкам, поэтому актуален был еще один лозунг военного времени: «Не выбрасывай – чини» («Do make and mend»)**.

Как бы то ни было, нам жилось немного легче, чем другим, благодаря свекрови: отменный повар и прекрасная хозяйка, она в молодости служила экономкой в большом доме. Поэтому питались мы хорошо, мне нравилось, как она готовит. Так как продуктов все еще не хватало, свекровь покупала мозговые кости и варила бу-

* Берди (Berdie) в переводе с английского «Птичка» (прим. перев.)

** Слоган, приобретший популярность в середине Второй мировой войны в Великобритании. Домохозяйки учили экономить, не покупать новую одежду, а чинить старую или вовсе перешивать мужскую (прим. перев.).

льон с вкуснейшими клецками, а еще готовила хлебный пудинг. Свекор обожал десерт под названием «Пятнистый Дик», который делают с изюмом и почечным салом и подают политым патокой. Все эти блюда я до сих пор очень люблю. После страшного голода в Ленинграде английская кухня пришлась мне по вкусу.

В качестве развлечения по вечерам мы слушали комедийные радиоспектакли. Все смеялись, но меня, не понимавшую ни слова, одолевала скука. Как я ни намекала Дейву, что мы могли бы подняться наверх и побыть наедине, он не соглашался, потому что стеснялся матери. Жизнь с родственниками – не лучший вариант для молодой семьи.

Я быстро осваивала английский и вскоре уже самостоятельно отправлялась за покупками. Помню, как управляющий местного магазина всегда мне помогал: водил меня вдоль прилавков, объясняя, как называются разные продукты – так я и выучила их английские названия. Конечно, не все встречали меня приветливо, но многие с готовностью приходили мне на выручку.

Мы с Дейвом были очень благодарны за кров и стол, но вскоре решили подыскать собственное жилье, так как дом родителей едва вмещал нас всех. Со временем мы переехали в квартиру на Гордон-роуд недалеко от дома родителей мужа. Дейв подал прошение о переводе из почтовой службы и перешел на государственную службу в Лондоне, что сулило ему большие перспективы. Через некоторое время, когда я забеременела, он начал подрабатывать по вечерам на фондовой бирже, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

В те дни рабочая неделя заканчивалась лишь в субботу, поэтому Дейв постоянно пропадал в офисе, и я коротала время в полном одиночестве; низкие тучи и дождливая погода, которыми так славится Англия, нагоняли на меня тоску.

Я часто вспоминала своих родителей и думала о том, что произошло с ними и что пережила я сама в Ленинграде. Вспоминала прекрасное детство, когда война еще не пришла в нашу мирную жизнь. Но то и дело память возвращала меня к печальным, трагическим событиям, к гибели родителей во время блокады. Это мрачная глава в истории моей жизни. А еще я очень скучала по тете и сестре, которые жили в Гамбурге. И все же, мы, молодые, энергичные, не теряли надежды на будущее – да и другого выхода у нас не было. После войны многие люди оказались в похожем положении. Мы изо всех сил старались забыть ужасы войны и вернуться к нормальной жизни.

Как ни печально, в сентябре 1948 года в нашей семье случилось еще одно большое горе: отца Дейва положили в больницу – он жаловался на серьезные боли в груди. К сожалению, врачи не смогли ему помочь, и он умер. Мы долго оплакивали его уход, это была большая потеря для всех нас. Как жаль, что он так и не увидел долгожданного внука.

Наш сын Майкл родился в феврале 1949 года, и све-кровь, вне себя от радости, снова взяла бразды правления в свои руки. Так ей было легче пережить утрату – со дня его смерти прошло только пять месяцев. Но порой слова свекрови меня удручали – например, после появления сына на свет она сказала довольно обидную фра-

зу: «У ребенка родился ребенок». Я родила в двадцать лет, а свекровь воспитала уже троих детей, так что на ее фоне я, разумеется, выглядела совсем юной и неопытной.

Сына мы называли Майкл Виктор Дэвис в честь свекра, чье второе имя было Виктор.

В это время Бернард, брат мужа, учился на бухгалтера и проходил практику в крупной международной компании «Делойт». Помню, как он возвращался домой с работы и ужинал. Потом шел подремать до тех пор, пока мы все не отправлялись спать. Тогда он просыпался, шел вниз и несколько часов занимался – в доме было тихо и спокойно, ничто не отвлекало его от учебы. После этого он снова ложился спать до утра. Такой график, судя по всему, ему подходил: экзамены он сдал без проблем.

Потом у нас родился Майкл, и из Бернарда получился отличный дядя. Когда Майкл подрос, Бернард стал брать его в парк, поиграть в мяч. У нас даже есть фотографии, где они играют в теннис! А еще снимок, где Майкл «помогает» Бернарду в саду. Счастливые были времена.

Я обустроивалась в Англии - подучив английский и отправив Майкла в ясли, окна которых располагались напротив наших на втором этаже, я нашла работу на неполный день в магазине женской одежды «Дороти Перкинс» на Хай-стрит в Илфорде. Это была моя первая работа в Англии. Тогда я уже довольно сносно говорила по-английски, но, работая в магазине, выучила язык еще лучше. К тому времени мы переехали на Голф-роуд, в квартиру совсем рядом с домом моей свекрови.

Наверху жили мы, а на нижнем этаже – отец домовладельца, мистер Рольф. У нас существовала договорен-

ность: мы должны были каждый день для него готовить. Забавный персонаж. До сих пор помню, как, расправившись с горячим, он подходил к лестнице и кричал нам наверх: «Эгей, а пудинг мой где?!»

Я познакомилась с двумя немками, Инге Харрен и Дженни Хеликар – они тоже были замужем за английскими военными – и мы иногда устраивали посиделки. У каждой из них было по сыну – звали их Гай и Питер, примерно ровесники Майкла, – и каждый раз, когда мы встречались выпить кофе, дети могли поиграть вместе. Между собой мы всегда говорили по-немецки, и это немного сглаживало тоску по родственникам, оставшимся в Германии.

Однажды нас навестил мой племянник Вальдемар, пока его корабль стоял на якоре в лондонских доках. Надолго остаться он не мог, но все равно я очень обрадовалась: приятно было увидеться с кем-то из моих немецких родственников. Как и я, он был наполовину украинцем, наполовину – немцем.

В общем, со временем я освоилась в Англии и привыкла к местному образу жизни.

Когда Майкл подрос, Хейзел стала иногда брать его с собой в город. Однажды она повезла его в Лондон на балет Чайковского «Щелкунчик», а в другой раз они смотрели мюзикл «Пол-шестипенсовика» с Томми Стилом, который в то время был очень популярен. Бернард водил Майкла на матчи футбольной команды «Вест Хэм», а еще в Музей естествознания в Лондоне. Со свекровью они на целый день ездили на пляж Чолкуэлл, где играли и смотрели кукольный спектакль с Панчем и Джуди.

Мой муж Дейв ходил с Майклом в ближайший парк, где учил его играть в крикет и футбол. Два раза они даже смотрели матчи на «Лордс» и «Овал», известных крикетных стадионах.

Спустя годы, когда Майкл уже был подростком, они с Дейвом часто играли в теннис с друзьями.

Майкл в детстве

Поездки в Германию после войны

В Гамбург мы ездили так часто, как только могли себе позволить – раз в один или два года – чтобы я могла навестить родственников. Там мы проводили какое-то время с тетей Эльзой и ее сыном Карлом: потом он женился на девушке по имени Магдалена Брандс и у них появился сын, тоже Михаэль – в честь дедушки, Михаэля Пильгера.

Сначала Карл испытывал к моему мужу-англичанину неприязнь, но затем все-таки проникся к нему симпатией. Дейв уже немного знал немецкий и приложил все силы к дальнейшему изучению языка, поэтому говорили они всегда на немецком. Как-то раз Дейв помог ему покрасить только что перестроенный дом моей тетушки. Верхний этаж он красил с лестницы. Карл был невероятно благодарен: однажды он мыл окна и упал с лестницы, поэтому больше не мог заставить себя на нее залезть. После этого они очень сдружились*.

Приезжали мы обычно на месяц-полтора, во время летних каникул, и также навещали мою сестру Лекси и ее семью.

Мой сын Майкл и ее младший сын Хельмут были практически ровесниками – оба родились в 1949 году.

* Много позже, в мае 1997 года, мой сын Майкл звонил Карлу и Магдалене, чтобы выполнить печальную обязанность – сообщить о смерти Дейва. Трубку подняла Магдалена, но Майкл слышал, как Карл разрыдался от горя, услышав эту новость – настолько он был привязан к Дейву.

Благодаря нашим частым визитам они довольно много болтали и играли друг с другом. Однажды я услышала в соседней комнате детскую речь: говорили по-немецки. Спросила у сестры, кто там разговаривает. К моему удивлению, оказалось, что это Хельмут и Майкл! Я и не подозревала, что мой сын уже бегло говорит по-немецки, хотя, конечно, дети схватывают все очень быстро, особенно когда каждый день слышат вокруг иностранную речь, даже если это длится всего несколько недель на каникулах.

Однажды мы с Дейвом и Майклом гостили у моей тети, и Майкл, в то время очень увлекавшийся крикетом, бросал тяжелый крикетный мяч о стену ее дома. Мы предупредили, чтобы он был осторожней и не разбил окно. Майкл заверил нас, что будет осторожен, и мы продолжили болтать с тетей и Карлом в гостиной. И вдруг (как вы уже догадались) мячик Майкла со звоном влетел в окно! Майкл в слезах побежал к дому, зная, что неприятностей не избежать. Но тетя только рассмеялась – у нее у самой был сын, и она прекрасно понимала, что мальчишки есть мальчишки. Так что мы с Дейвом пошли к местному стекольщику и купили новое стекло, которое Дейв и вставил. Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

В другой раз, в 1959 году, мы с сыном навещали моего двоюродного брата Харальда Бегенхольда и его жену Урсулу – они жили в Ольденбурге, недалеко от Бремена. Тогда у них был только один ребенок – сын Дитер. Помню, как десятилетний Майкл и Дитер, которому тогда было всего-то года четыре, играли в песочнице в саду.

В тот раз собралась большая компания, чтобы прогуляться в близлежащем сосновом бору. День был чудесный, и мы хотели набрать грибов на ужин. Мой сын очень привередлив в еде: ему не понравилось, как пахли грибы, и в итоге на ужин он ел что-то другое. Несколько часов спустя стало плохо всем, кроме него. Судя по всему, среди грибов оказались и поганки. К счастью, все остались живы, но с тех пор при сборе грибов мы стали гораздо внимательнее.

В тот раз мы заехали еще и к моему дяде Александру и его русской жене Шуре, которые тоже жили в Ольденбурге. Дядя познакомился с Шурой, когда был военнопленным в России во время Первой мировой войны.

В тот наш приезд Майкл играл в саду, а мы разговаривали. Забираясь на дерево, он умудрился соскользнуть вниз по стволу, да так, что рукавом зацепился за крюк, торчавший из дерева, и порвал куртку. К счастью, руку он не повредил.

Я могла бы еще долго рассказывать о наших поездках в Германию, особенно в Гамбург-Ральштедт, но это уже другая история, не касающаяся моей жизни во время войны, а книга, в конце концов, именно об этом.

Послесловие

Сейчас мне 89. Я пишу свою автобиографию и благодарю Бога за то, что выжила и смогла написать эту историю. Мне грозила смерть от истощения, но каким-то образом мне удалось все преодолеть. В 1978 году мой сын Майкл женился на Сандре, и я очень счастлива, что сейчас у меня два внука — Джон и Питер.

Эту книгу я назвала «Очередная война», потому что, думаю, людям нравится воевать. Кажется, войны будут всегда. И вряд ли многие задумываются всерьез об ужасах, неразрывно связанных с войной: о нечеловеческой жестокости, страданиях и печалях, и о том, что погибают миллионы ни в чем повинных людей. Наш мир прекрасен. Если бы только люди научились любить, сочувствовать и делиться, избавившись от жажды убивать и грабить других. Я жду того дня, когда войн больше не будет.

Что касается моей жизни, в юности она была богата событиями. О детстве, проведенном в России с моими родителями и родственниками, у меня остались счастливые воспоминания, но в моей семье произошло и много трагедий, причиной которых стала Вторая мировая война – самая страшная в истории.

Но когда я размышляю о всей истории человечества, как ни печально, мне кажется, что это была всего лишь очередная война.

Еще немного о моей семье

Семья Бегенхольд

Тетя Эльза мне говорила, что изначально, в далеком прошлом, наша фамилия была фон Бегенхольд — как у аристократов. Но потом наши предки столкнулись с финансовыми трудностями и продали титул. После этого наша фамилия стала просто Бегенхольд.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии

Эмиль Август Хуго Бегенхольд. Родился 22 июля 1865 года в Оберхофе (Тюрингия, Германия), скончался 8 мая 1934 года в Гамбурге (Германия). Профессия: военнослужащий (офицер). Отец бабушки – Каспар Бегенхольд (сведения о рождении и смерти отсутствуют). Профессия: почтмейстер (Тюрингия, Германия).

Его жена – *Луиза Катарина Бегенхольд* (урожденная Штеффен). Родилась 21 декабря 1865 года в Риге (Латвия), скончалась 20 апреля 1945 года в Гамбурге (Германия). Профессия: школьный учитель и репетитор. Ее отец – немец, вероятно, морской капитан. Мать – француженка.

У них было шестеро детей. Вот что известно о моей матери, ее сестрах и братьях (моих дядях и тетях):

Моя мать, *Хелена Бегенхольд*, – старшая из них. Родилась 17 января 1892 года в Ленинграде (ранее – Санкт-Петербург), скончалась там же 29 января 1942 года в воз-

расте 49 лет. Профессия: штатный секретарь суда народных заседателей.

Александр Бегенхольд. Родился 4 сентября 1896 года в Ленинграде, скончался в сентябре 1969 года в Ольденбурге (Германия). Профессия: управляющий предприятием.

Вальтер Иоганн Генрих Бегенхольд. Родился 3 марта 1900 года в Риге (Латвия), скончался 10 декабря 1950 года в Гамбурге (Германия). Профессия: мясник.

Эльза Пильгер (урожденная Бегенхольд). Родилась 26 июня 1902 года в Риге (Латвия), скончалась 17 мая 1998 года, в возрасте 95 лет, в Гамбург- Ральштедте (в доме 8 по Бертольд Шварц Штрассе – снесен в 2015 году). Профессия: секретарь / конторский служащий.

Евгения (Дженни) Бегенхольд. Родилась 16 декабря 1904 года в Риге (Латвия), скончалась 29 января 1975 года в Ленинграде. Профессия: конторский служащий.

Герберт Бегенхольд. Родился 8 мая 1910 года в Риге (Латвия), скончался в мае 1950 года в Нью-Йорке. Профессия: дипломированный инженер.

Как видите, и Хелена, и Александр родились в Ленинграде. Остальные четверо детей появились на свет в Риге, где мои бабушка и дедушка прожили несколько лет до переезда в Гамбург.

Моя сестра, *Александрина Дерффер* (урожденная Шумахер) (от первого брака моей матери Хелены с Вильгельмом Шумахером). Лекси связана с семьей Бегенхольд через мать Хелену. Лекси родилась 13 июля 1916 года в Гамбурге (квартал Каролинен рядом с районом Санкт-Паули), скончалась 26 апреля 1979 года в Хамбург-Раль-

штедте в возрасте 62 лет. Профессия: парикмахер, позже домохозяйка.

Существует семейное древо Бегенхольдов с указанием браков и родившихся в этих браках детей.

Семья Посвистак

К сожалению, о моих дедушке и бабушке по отцовской линии мне почти ничего не известно, потому что я потеряла связь с родственниками на Украине. Их адреса я не знала, поэтому не смогла связаться с ними после войны, да и жизнь была настолько сложной, что на поиски не оставалось ни сил, ни времени. Еще до войны о своей родне на Украине я мало что слышала. Я встречалась только с одним родственником по отцовской линии – с братом папы, дядей Петей, который жил в Америке и приезжал навестить нас в Ленинград. Но и его адреса у меня не сохранилось. Когда родители погибли, а нас с сестрой эвакуировали, все письма и адреса остались в нашей квартире в Ленинграде.

И все же мой внук Питер и сын Майкл смогли связаться с одним из правнуков дяди Пети, Джеймсом, и с одной из его внучек, Дианой, и вот что они нам рассказали.

Моих бабушку и дедушку по отцовской линии звали *Степан и Кристина Посвистак*. У них было два сына, Петр и Антон, и три дочери, имена которых неизвестны. Предполагается, что все они родились и жили на Украине, так как Петр и Антон родились в Киеве, столице Украины. Больше информации о них нет.

Мой отец, *Антон Посвистак*. Родился 26 октября 1892 года в Киеве (Украина). Женился на Хелене Бегенхольд, у них был один ребенок – дочь Луиза. Профессия Антона: слесарь. Американские родственники называли его Тони. Антон скончался в январе 1942 года во время блокады Ленинграда в возрасте 49 лет.

Петр Посвистак (старший брат Антона). Родился 18 октября 1886 года в Киеве (Украина). Профессия: владелец обувной мастерской. Женился на Кристине Филоновой, родившейся 18 октября 1900 года. У них было трое детей – Алекс, Уолтер и Джон, которые жили в Маскегоне, недалеко от озера Мичиган. Скончался в 1945 году в городе Маскегон-Хайтс (штат Мичиган, США) в возрасте 58 лет.

Алекс Посвистак родился 1 января 1917 года и женился на Элизабет Гобел. Они жили в Маскегоне, штат Мичиган, и у них было шестеро детей: Грегори, Кристин, Карен, Марк, Скотт и Джули. Во время Второй мировой войны Алекс был лейтенантом полевой артиллерии армии США, служил в южной части Тихого океана. До службы в армии работал музыкальным руководителем в школах Уайтхолла. После войны Алекс стал учителем музыки в государственных школах Маскегона, где проработал 32 года. Скончался 23 ноября 1980 года в возрасте 63 лет.

Уолтер Посвистак родился 28 января 1920 года, женился на Клэр Джин Томпсон. Они жили в Маскегоне в штате Мичиган, и у них было трое детей: Диана, Рассел и Уолтер. Джеймс, правнук дяди Пети, о котором уже упоминалось в книге, был сыном Рассела. Во время Второй мировой войны Уолтер получил звание капитана в Воз-

душном корпусе Армии США. Он участвовал в боевых действиях в южной части Тихого океана и был удостоен «Креста летных заслуг США». По словам командующего союзными воздушными силами в юго-западной части Тихого океана, он проявил «исключительное мужество, воинское мастерство и преданность долгу». Впоследствии он стал командиром звена эскадрильи из 16 истребителей. После войны Уолтер 36 лет проработал машинным оператором в компании «Теледайн Континентал Моторс». Скончался 30 мая 2011 года в возрасте 91 года.

Джон Посвистак родился 6 июня 1921 года, женился на Нэнси Калвер. Они жили в Маскегоне, в штате Мичиган, и у них было двое детей, Нэнси и Дуайт. Джон работал в фирме «Брансуик» (на производстве оборудования для боулинга), потом открыл ресторан в Гранд-Хейвене, в штате Мичиган. Скончался 7 ноября 1998 года в возрасте 77 лет.

В юности Алекс, Уолт и Джон образовали семейное трио: Алекс играл на скрипке, Уолт – на виолончели, Джон – на альте.

Данное приложение включает сведения только об одном из правнуков дяди Пети – о Джеймсе Посвистаке.

Странствия Луизы после спасения из блокадного Ленинграда

В 1942 году по «Дороге жизни» через Ладожское озеро четырнадцатилетняя Луиза Дэвис бежала из блокадного Ленинграда, на товарном поезде добралась до Кавказа, потом попала в Гамбург (Германия) и Илфорд (Эссекс, Англия).

Библиография

Предисловие:

Simmons Cynthia, Perlina Nina. Writing the Siege of Leningrad. University of Pittsburgh Press 2005

Moynahan Brian. Leningrad: Siege and Symphony. Quercus Editions Ltd., 2013

Глава «Как жили мои родители после свадьбы»:

Википедия – Украинская революция (1917–1921) ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_революция_\(1917-1921\)\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_революция_(1917-1921))))

Глава «Дядя Стива и тетя Дженни»:

Википедия – «Большой террор» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Большой_террор)

Глава «Как я спаслась от бомбежки и нашла маму»:

Википедия – Пискаревское мемориальное кладбище (https://ru.wikipedia.org/wiki/Пискарёвское_мемориальное_кладбище)

Фотографии Санкт-Петербурга: Крист Эрманн (С), До-науштауф, Германия; Пиа Хубер (Р), Лондон, Великобритания, Корнелия Марш (К), Кам, Германия

Карты Европы, России и окрестностей Санкт-Петербурга: Британская энциклопедия

Карта современного Петербурга (источник: <http://www.orangesmile.com/travelguide/saint-petersburg/city-maps.html>)

